

НАТАЛИЯ СОТНИКОВА

ФАВОРИТКИ И ФАВОРИТЫ

*Король-Солнце
Людовик XIV
и его прекрасные дамы*

Наталия Николаевна Сотникова

Король-Солнце Людовик XIV и его прекрасные дамы

Серия «Фаворитки и фавориты»

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48629501

*Король-Солнце Людовик XIV и его прекрасные дамы: ТД Алгоритм;
Москва; 2018*

ISBN 978-5-907120-17-4

Аннотация

Великий французский король Людовик XIV, Король-Солнце, прославился не только выдающимися историческими деяниями, но и громкими любовными похождениями. Он осыпал фавориток сказочными милостями, возвышал их до уровня своей законной супруги Марии-Терезии, а побочных детей уравнивал с законными. Не одна француженка лелеяла мечту завоевать любовь короля, дабы вкусить от монарших щедрот. Но были ли так уж счастливы дамы, входившие в окружение короля? Кто разрушил намерение Людовика вступить в брак с любимой девушкой? Отчего в возрасте всего 30 лет постриглась в монахини его фаворитка Луиза де Лавальер? Почему мать семерых детей короля маркиза де Монтеспан была бесцеремонно изгнана из своих покоев в Версальском дворце? По какой причине не могла

воспользоваться всеми правами законной супруги тайная жена короля мадам де Ментенон, посвятившая более трех десятков лет поддержанию образа великого монарха? Почему не удалось выйти замуж за любимого человека кузине Людовика, Великой Мадмуазель? Сколько женских судеб было принесено в жертву политическим замыслам короля?

Обо всем этом в пикантных подробностях рассказано в книге известного автора Наталии Сотниковой «Король-Солнце и его прекрасные дамы».

Содержание

Сумасбродства молодости	12
Маменькин сынок	12
Посвящение в любовь	16
Танцующий монарх	22
«Мазаринетки»	29
Самая нелюбимая и непокорная	34
Неуместное увлечение	43
Превратности судьбы княгини Колонна	52
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Наталья Николаевна

Сотникова

Король-Солнце Людовик

XIV и его прекрасные дамы

* * *

Давая возможность авторам высказаться, Издательство
может не разделять мнение авторов.

© Сотникова Н. Н., 2018

© ООО «ТД Алгоритм», 2018

* * *

Что известно среднему российскому читателю о фран-

цузском короле Людовике XIV, третьем по счету монархе из династии Бурбонов? Наверняка, очень мало. Допустим, что этот читатель даже съездил в туристическую поездку во Францию, провел несколько часов в Версале, чуть ли не бегом пронесся по парку и дворцу, не спуская глаз с гида, – не дай бог отстать от группы и опоздать на автобус! На обратном пути утомленный турист попытался разложить в голове по полочкам сведения о трех Людовиках, проживавших в этом весьма поблекшем обиталище, и целом сонмище блестящих дам, воле и капризам которых эти монархи беспрекословно повиновались. Все слилось, все перепуталось, запомнилось только, что основного Людовика почему-то звали король-солнце. Кажется, и любовниц у него было больше всего. Что тут удивительного, ведь он поставил рекорд среди всех европейских венценосцев – правил семьдесят два года¹, надо же было хоть урывками отдыхать от трудов праведных! Да и вообще, всем известно, насколько прославились французы своими галантными приключениями!

Между тем, в истории Франции Людовик XIV прочно занимает место самого выдающегося короля, а эпоха его прав-

---

¹ Конечно, этот рекорд можно признать лишь с натяжкой, ибо Людовик (1638–1715) был после кончины своего отца объявлен королем в возрасте 5 лет. Занявший в этом перечне рекордсменов второе место император Австро-Венгрии Франц-Иосиф I (1848–1916), правивший шестьдесят восемь лет, вззошел на трон в восемнадцатилетнем возрасте; третье место до недавнего времени занимала королева Великобритании Виктория (1819–1901) с шестьюдесятью четырьмя годами царствования, но своего прашура недавно потеснила ее прапраправнучка, королева Елизавета II (род. в 1926 году), которая находится на троне с 1952 года.

ления именуется не иначе, как Великим веком. Но ведь не из-за одних же любовных походов так прославился этот монарх? Действительно ли так велико было на него влияние прекрасных дам? Попробуем разобраться в этом непростом вопросе.

Задачей данной книги вовсе не является выяснение истинного вклада Людовика XIV во все области государственного управления, где он стремился оставить свой след: политику, дипломатию, военное дело, культуру и даже науку. Надо сказать, что он был великий мастер пускать пыль в глаза, например, ловко приписывая военные победы себе, а поражения – «неумелым» полководцам. Тем не менее, ему удалось создать в Европе тот образец абсолютного монарха, которому впоследствии долго и не всегда успешно стремились подражать все прочие коронованные особы, стараясь следовать его примеру буквально во всем, ибо Людовик XIV был еще и великим сластолюбцем. Известный факт: посмертное вскрытие обнаружило, что у короля емкость желудка и кишок вдвое превышала оную среднего человека, отсюда и его способность поглощать неимоверное количество еды и не маяться несварением. Надо сказать, что и сексуальный аппетит у него также явно был отнюдь не рядовым, причем сохранялся буквально до последних лет жизни. Но оказывали ли любовные походы Луи на самом деле какое-то воздействие на государственные дела Франции?

В 1664 году двадцатилетний король безо всяких

обиняков заявил своим министрам:

– Я молод, и женщины обычно имеют довольно власти над людьми моего возраста. Приказываю всем, что, если вы заметите, как некая женщина, кто бы она ни была, обретает надо мной власть и управляет мною, вам должно предупредить меня. Мне надобно будет всего двадцать четыре часа, чтобы отделаться от нее.

И, надо сказать, ни одной из многочисленных любовниц не удалось оказать сколько-нибудь значительного влияния на управление королевством. Людовик XIV возродил во всей красе полуофициальную придворную должность так называемой «*maitresse-en-titre*»², его любовницы получали в свое распоряжение солидные финансовые средства, их осыпали подарками, они без труда добивались всяческих привилегий для своих родственников и рожденных от короля детей – этим все и кончалось. Пройдет еще немало лет, прежде чем на заседаниях Государственного совета при Людовике XV появится прекрасная маркиза де Помпадур с полным правом голоса.

Однако его прадеду, Людовику XIV, приходилось уделять большое внимание и тем женщинам, которые не были его любовницами. Он возглавлял огромный клан Бурбонов, уходящий корнями в глубины истории Франции, помимо этого,

---

² Официальная фаворитка короля (франц.); кстати, этот термин употреблялся не только по отношению к фаворитам женского пола.

его дед, Генрих IV, по прозвищу Vert-galant³, оставил после себя еще и нескольких узаконенных побочных детей. Таким образом образовались новые династии принцев крови, которые также необходимо было поддерживать, дабы они, как верные псы, охраняли французский трон. За этим сонмом высокородных дворян надлежало зорко следить, чтобы они не поставили под угрозу честь королевского дома. И конечно же, среди них было немало прекрасных и не очень девиц и дам, чью судьбу к их выгоде – но в первую очередь к своей и государственной – надлежало устраивать лично королю. А еще в то время жили женщины, которые не являлись членами королевской семьи, иногда даже и дворянками, но внесли свой вклад в ослепительный блеск этого великолепного века: писательницы, актрисы, куртизанки и даже те, которых ныне принято обтекаемо именовать «агентами влияния», но в те далекие времена безо всяких околичностей называли шпионками. Давайте познакомимся хотя бы с несколькими особами, чья судьба была тем или иным образом связана с королем-солнце.

Я сочла нужным привести здесь несколько пояснений, которые облегчили бы чтение этой книги, поскольку с тех давно миновавших времен многое, в особенности карта Европы, изменилось и может иногда озадачивать читателя, не искушенного в хитросплетениях истории.

---

³ Старый волокита (франц.) – прозвище короля Генриха IV Бурбона, большого любителя галантных походов.

Французские дворяне были буквально помешаны на титулах и знатности своего рода. Титул, пожалованный дворянину королем, мог носить только глава данного рода, и лишь после его смерти он переходил к его наследнику. Поэтому при живом герцоге де Грамоне, маршале Франции, его сын носил титул графа де Гиша, дочь герцога де Мортемар звалась мадемуазель де Тонне-Шарант, сын – граф де Вивонн, сын графа де Лозена – маркиз де Пегилен. Фамилия дворянина обычно являлась названием его поместья (которое иногда уже давно не принадлежала ему).

Герцогство Савойское – феодальное суверенное государство, существовавшее в 1416–1720 гг., со столицей сначала в Шамбери, затем в Турине, граничившее с Францией и итальянскими государствами Апеннинского полуострова. Любезные соседи постоянно претендовали на земли герцогства, поэтому его владыкам для сохранения оных приходилось проявлять чудеса дипломатической изворотливости и военной доблести. После Войны за испанское наследство герцогство получило статус королевства, в 1720 году к нему перешла Сардиния, и образовалось Сардинское королевство. Именно на его базе в 1870 году было завершено объединение нескольких независимых государств в единое Итальянское королевство; правившая им династия сохранила название Савойской, ее многочисленные представители, включая претендента на престол, принца Венецианского, до сих пор проживают в Италии.

Священная Римская империя германской нации – в XVII веке архаическое государственное образование, в которое превратилась средневековая империя, ранее включавшая в себя Германию, занимавшую господствующее положение, и другие королевства, герцогства и земли. Избрание императора, фигуры чисто номинальной, производилось князьями с правом избирательного голоса, курфюрстами, с 1438 года императорская корона фактически закрепилась за династией Габсбургов.

Маркиза де Севинье (1626–1696), ссылки на письма которой часто приводятся в этой книге, была французской аристократкой, прославившейся блестящим стилем своих писем, содержавших важные сведения о событиях и нравах ее времени.

Сумасбродства молодости

Маменькин сынок

Все историки без особых споров сходятся в одном: на Людовика XIV огромное влияние оказала его мать, королева Анна Австрийская. Для нее сын был самым настоящим идолом, и следует напомнить, почему.

25 ноября 1615 года в городе Бордо вступили в брак король Людовик XIII (в возрасте неполных 15 лет) и тринадцатилетняя испанская принцесса Анна Австрийская. Брак этот был заключен по чисто политическим соображениям, и цели преследовались немаловажные: закрепить мир с могущественным соседом и обеспечить французскую корону наследниками. Мир с Испанией крепче не стал, а дать династии наследника прекрасная королева очень долго не могла, хотя и страстно желала. Ей невозможно было предъявить обвинения в бесплодии: в конце 1619 года беременная королева во время прогулки решила перепрыгнуть канавку, что привело к выкидышу; 15 марта 1622 года, проходя по темному залу Лувра, носившая во чреве ребенка Анна поскользнулась и упала – будущий наследник короны погиб. Венценосные супруги все больше и больше отдалялись друг от друга не только из-за отсутствия детей, но и по многим другим причинам,

отчасти и политического свойства. Свою роль в подрыве престижа королевы сыграл и всемогущий первый министр кардинал де Ришелье. В довершение ко всему Людовик XIII явно проявлял большую склонность к представителям мужского пола, нежели женского. Поэтому, когда в мае 1638 года по Франции с молниеносной скоростью разнеслась весть о беременности королевы, буквально все подданные по призыву священнослужителей принялись истово молиться за здоровье Анны Австрийской и ее благополучное разрешение от бремени. Отсюда неудивительно, что когда 5 сентября 1638 года королева родила здорового мальчика, его немедленно нарекли «Богоданным», каковое имя так навсегда и сохранилось за ним в истории. Рождение наследника изменило отношение короля к супруге, и когда 21 сентября 1640 года Анна Австрийская произвела на свет второго сына, Филиппа, сторонники Людовика XIII облегченно вздохнули: будущее короны было надежно обеспечено.

Анна Австрийская оказалась прекрасной матерью. Она не стала доверять свое чадо, как это было истари принято в королевских семьях, воспитательницам, а поселилась вместе с ним в Сен-Жерменском дворце. Королева буквально не разлучалась как с дофином, так и со вторым сыном. Когда в апреле 1642 года Людовик XIII, возглавлявший осаду Перпиньяна, почувствовал первые признаки смертельного недомогания и вызвал супругу к себе, мысль о разлуке с детьми настолько утратила Анну, что она заболела.

21 апреля 1643 года юного Людовика окрестили, причем крестным отцом был выбран недавно назначенный член Государственного совета кардинал Мазарини, а крестной матерью – принцесса Шарлотта-Маргарита де Конде, урожденная Монморанси, представительница одного из самых древних и славных дворянских родов Франции, мать выдающегося полководца, вошедшего в историю под именем Великий Конде. 14 мая 1643 года Людовик XIII скончался, назначив супругу регентшей при малолетнем наследнике. Отодвинутая на второй план при жизни супруга Анна Австрийская энергично взялась за узды правления. Уже через трое суток, ко всеобщему изумлению, она отдала пост первого министра кардиналу Мазарини, сыгравшему далее немаловажную роль также и в воспитании наследника короны. Безграничная любовь, которую регентша питала к своему сыну, не мешала ей строго призывать его к порядку, когда тот проявлял чрезмерное непослушание.

– Матушка, прошу у вас прощения и обещаю, что никогда не буду действовать противу вашей воли, – каялся малолетний Людовик, опустившись на колени.

Став взрослым, сын не раз с признательностью вспоминал то поистине неженское мужество, которое проявила овдовевшая Анна Австрийская, сумевшая сохранить для него корону во время смуты Фронды. Он имел обыкновение говорить, что его мать не только была великой королевой, но и заслуживает место в ряду самых великих королей.

Когда Людовик достиг семилетнего возраста, Анна Австрийская, согласно обычаю, передала сына на воспитание наставникам-мужчинам, а руководителем обучения назначила кардинала Мазарини. Учителя вложили в голову малолетнего короля основы кое-каких знаний и военных искусств, необходимых истинному рыцарю. Однако самому главному, искусству управлять государством и людьми, юного Людовика обучил Мазарини, великий дипломат и тонкий знаток человеческой психологии⁴. Вторым же наставником, безжалостным и не дающим никаких скидок на его высокое предназначение, стала жестокая жизненная реальность. Юность Людовика не была безмятежной, ее отравила смута Фронды – движение против абсолютной королевской власти во Франции, причем ее возглавили представители самых высших придворных кругов при поддержке дяди короля, Гастона Орлеанского. Анна Австрийская в 1649 году была вынуждена тайно покинуть Париж вместе с детьми и первым министром. Будущий король был вынужден провести три года на полях сражений гражданской войны, познав горечь предательства своих самых высокородных подданных, что заложило и укрепило в его характере основные черты абсолютного монарха.

---

⁴ Основы принципов государственного управления и поведения политика Мазарини не потеряли свое значение и в новое время. Пламенным поклонником кардинала Мазарини был, например, Франсуа Миттеран, отслуживший два срока на посту президента Французской республики. Он даже назвал свою дочь Мазарин в честь кардинала.

Посвящение в любовь

Буквально с колыбели наследника французского престола окружал рой прелестных девиц и дам, со вкусом одетых, благоухающих цветочными ароматами и щебечущих подобно заморским птичкам в клетках, украшавшим покои королевы. Фрейлины королевы не переставали восхищаться крепеньким младенцем. Людовик родился уже с двумя зубками и перекусал семь кормилиц, пока не удалось найти такую, грудь которой устояла перед атаками чрезмерно агрессивного дитяти. Женщины окружения Анны Австрийской не жили и холили юного дофина, правда, его своевременно передали наставникам-мужчинам. А вот его брата Филиппа мать слишком долго, до семи лет, обряжала в девчачью одежду (обычай одевать маленьких мальчиков до четырехлетнего возраста в полотняные платьица с передничками и прикрывать длинные локоны чепчиками продержался чуть ли не до конца XIX века). В результате он и взрослым сохранил стремление украшать себя перьями, лентами, оборками и драгоценностями, благоухать духами. К сожалению, у этого принца очень рано проявились гомосексуальные наклонности. Некоторые современники считали, что Мазарини умышленно поощрял женоподобные повадки младшего принца, дабы развить у него поверхностные интересы и отбить всяческое желание строить козни против старшего бра-

та, как поступал герцог Гастон Орлеанский, младший брат Людовика XIII. Но, благодарение Богу, в отличие от брата дофина неудержимо тянули к себе женщины. Анна Австрийская, зорко следившая за любимым сыном (как писала в своих воспоминаниях ее придворная дама, «проявляла бесконечную нежность к королю, более, нежели ко второму сыну своему»), чутко уловила момент, когда Людовика начали томить смутные желания, и поручила своей компаньонке лишить пятнадцатилетнего подростка девственности. В окружении королевы молодые женщины буквально соревновались в красоте, изяществе и кокетстве, но ответственное задание выпало на долю придворной дамы с нелестным прозвищем «Кривая Като».

Катрин-Генриэтта Белье, баронесса де Бовэ (1614–1690), была дочерью Мартина Белье, торговца тканями и уже в течение трех поколений поставщика королевского двора. В совсем юном возрасте Катрин поступает в качестве камерфрау⁵ на службу к королеве и со временем, завоевав ее доверие, становится компаньонкой Анны Австрийской. Она была одной из немногих особ при дворе, кто знал о тайном браке овдовевшей королевы с кардиналом Мазарини. В 1634 году девица выходит замуж на барона Пьера де Бовэ, государственного советника и заместителя генерального прокурора парламента города Парижа, мужчины лет на пять старше

---

⁵ Камерфрау – женщина, исполнявшая при королевской особе обязанности камеристки.

нее. По описанию современников, Като была низкорослой, безобразной, как все смертные грехи вместе взятые, к тому же кривой на один глаз, но, по-видимому, отличалась горячим темпераментом и была весьма сведущей в искусстве любви. Будучи замужем, она имела много амурных связей, причем щедро платила своим любовникам, среди которых молва числила даже архиепископа Санса, известного своими галантными похождениями. Мадам де Бовэ сумела настолько сблизиться с королевой, что эта дружба обеспокоила даже Мазарини, который знал Като как опытную интриганку, способную на все. В 1649 году она согласилась передавать любовные письма королеве от своего приятеля, маркиза де Жарзе. Опасавшийся молодого соперника Мазарини добился изгнания баронессы в ее поместье, но уже в 1651 году бывшая наперсница вновь появляется при дворе.

В 1653 году Анна Австрийская именно ей доверила ответственное задание раскрыть перед пятнадцатилетним королем врата в мир чувственных наслаждений. Надо полагать, она с блеском справилась с этим деликатным поручением, ибо именно после этого посвящения в радости плотской любви в Людовике пробудилась его легендарная страсть к женщинам. По утверждениям современников, Кривая Като несколько раз приходила в спальню короля. За эту своеобразную услугу Анна Австрийская в 1654 году назначила ей пенсию, позволившую этой женщине обзавестись двумя домами в Париже и построить с привлечением первого ар-

хитектора короля великолепный особняк, так называемый «дом Бовэ», на участке, также подаренном королевой. Сын Като, Луи де Бовэ, воспитывался вместе с Людовиком XIV и получил от него должность управляющего королевскими охотничьими угодьями вокруг Парижа. В 1667 году король даровал Като привилегию на каретные и грузовые перевозки Версаля. Невзирая на это, после смерти своего мужа в 1674 году баронесса оказалась разорена и покинула двор. Тем не менее она иногда появлялась там на всякого рода церемониях, и даже самые знатные придворные рассыпались в любезностях перед этой уродливой старушкой в великолепном наряде по последней моде, поскольку та неизменно удостоивалась чести частной беседы с королем, сохранившем к ней большое уважение.

Познав блаженство плотской любви, Луи пустился во все тяжкие. Кое-кто из современников уверяет, что он не гнушался ни крестьянками, ни горничными, ни придворными дамами любого возраста; кто-то упоминает дочь садовника, которую ему тотчас же подсунули по указанию Мазарини. Во всяком случае, в записках личного лекаря короля имеется указание на некое заболевание короля венерического характера. Хворь удалось ликвидировать, садовница же забеременела и родила дочь, которая внешностью своей была как две капли воды похожа на короля. Высокое положение родителя, однако же, вышло ей боком. Из-за низкого происхождения матери и сходства с королем ей запретили покидать родную

деревню, а в восемнадцать лет выдали замуж за хундордного дворянина. Тот уповал на блестящую карьеру, но не поднялся выше капитана кавалерии, дети же его и вовсе угасли в полной безвестности.

Но низменные утехы алькова не удовлетворяли любвеобильную натуру юного короля, тем более что он на самом деле был привлекательным молодым человеком, чья благородная внешность заставляла вздрогнуть не одно женское сердце. Людовик как будто сошел со страниц модных в ту пору рыцарских романов «Амадис Галльский», «Кир Великий», трагедий П. Корнеля, поэм Т. Тассо «Покоренный Иерусалим» и Ариосто «Неистовый Роланд». Молодой человек был прекрасного телосложения и высокого роста, по поводу чего среди историков до сей поры идут жестокие споры. Поводом для них являются рыцарские доспехи, преподнесенные в дар Людовику властями Венецианской республики⁶, неизвестно почему изготовленные на мужчину ростом 1,60 м и выставленные ныне в Музее армии Дома инвалидов. Современники же практически единогласно сходятся на том, что король был выше 1,80 м, плюс к тому носил обувь на высоких каблуках и парик. У Людовика по молодости были густые темные волосы, перенесенная в детстве оспа оставила кое-какие следы на его лице, но подросток быстро му-

---

⁶ Итальянские ремесленники считались непревзойденными мастерами по изготовлению доспехов, и носить их изделия среди дворян Европы считалось истинным шиком.

жал, здоровая молодая кожа растягивалась, и эти досадные метины постепенно стали малозаметны. Все это дополнялось благородной осанкой и исключительно величавой манерой держаться, усвоенной Луи с младых ногтей. Как высказался один из его современников, это был король до мозга костей, «даже на стульчаке». Надо сказать, что уже в юности он начал проявлять признаки особого поведения того короля, которым со временем стал. Однажды в его присутствии несколько придворных разговаривали между собой о неограниченной власти турецких султанов, приводя тому различные примеры.

– Прекрасно! – воскликнул юный король. – Вот сие называется царствовать!

– Да, государь, – возразил маршал д'Эстре, – но два или три сих властелина были в мое время умерщвлены!

По-видимому, это резонное замечание закаленного в боях вояки не произвело на царственного отрока ни малейшего впечатления. В его уме уже сложился тот образ монарха, обладающего абсолютной властью, который он, Людовик, воплотит собою и сделает примером для подражания не только одной Европы.

Танцующий монарх

7 июня 1754 года Людовик был коронован в Реймсе и после завершения коронационных торжеств возвратился в Париж. По-видимому, после помазания на царство он почувствовал себя настоящим монархом и стал держаться соответствующим образом. Надо сказать, что многие участники Фронды никак не могли смириться со своим поражением и делали попытки мутить воду в парламенте Парижа. В частности, в начале 1655 года по представлению короля в парламент были внесены некоторые указы, которые, по его разумению, должны были быть беспрекословно утверждены. Однако, члены парламента, подстрекаемые фрондерами, настаивали на их включении в так называемую роспись, т. е. повестку дня для обсуждения. Толки об этом дошли до короля, проживавшего в ту пору в Венсенском замке. Он тут же отдал приказ парламенту собраться на другой день, 13 апреля. Это не понравилось придворным, поскольку грозило сорвать уже заранее задуманный выезд на охоту. Однако Людовик заявил, что травля зверя непременно состоится, и явился в парламент в охотничьем костюме, красном кафтане, серой шляпе и высоких сапогах, с хлыстом в руке, соответствующим образом были одеты и придворные. Юный король заявил ошарашенным парламентариям, что не потерпит более противодействия своим указам и оспаривания своей власти.

Знаменитые слова «Государство – это я» на самом деле тогда не были произнесены, но они емко выразили сущность будущего царствования Людовика. Так постепенно из впечатлительного юноши выпестовался властный король, идеальный монарх абсолютизма.

После парадного вступления в столицу юного коронованного монарха ожидала целая вереница празднеств – балов, спектаклей, выездов на охоту. Сердце какой женщины не дрогнуло бы при виде молодого красивого короля самой большой страны Европы? Принцессы на выданье и их венценосные родители лихорадочно взвешивали шансы породниться с такой династией. Некоторые высокородные особы, как ни смешным это может показаться, мечтали об этой чести еще тогда, когда Людовик только появился на свет. К их числу относилась его двоюродная сестра Анна Мария Луиза, дочь Гастона Орлеанского, носившая титул великой мадемуазель, но необычная судьба этой девицы заслуживает отдельной главы, которая будет посвящена ей в этой книге несколько позднее.

Не надо думать, что король присутствовал на всяческих придворных увеселениях в качестве наблюдателя, снисходительно взирая на то, как веселятся его подданные. Нет, он принимал самое активное участие в забавах того времени, исполняя роли в различных балетах.

Французские придворные балеты семнадцатого века не имеют совершенно ничего общего с теми классическими

балетными спектаклями, которые сегодня представляют на сценах профессиональных театров. Это была смесь отдельных танцевальных номеров, созданных на основе народных танцев различных стран, шествий, вставных стихотворных текстов, песенных куплетов, коротких театральных интермедий, объединенных общим сюжетом. Сильный толчок развитию таких увеселений дали королевы-итальянки, уроженки Флоренции Катарина и Мария Медичи, обогатившие этот вид развлечения многими усовершенствованиями, успешно перенесенными ими на благодатную французскую почву из самого высококультурного двора Европы их предков, великих герцогов Тосканских.

Французы также внесли свой вклад в виде изящества и отточенности в исполнении мелких па, роскоши и изобретательности в оформлении костюмов и декораций, остроумия куплетов на злободневные темы. Немалую роль в популярности балетов сыграло изобретение трикотажных чулок, дамы получили дополнительную возможность кокетливо выставить напоказ прелестную ножку, туго обтянутую вязаным чулком, а не мешковатым, сшитым из грубоватой ткани. Поэтому, если Италия неоспоримо является родиной оперы, то честь создания балетного жанра принадлежит в равной степени как Италии, так и Франции.

Роли в придворных балетах добывались посредством сложных интриг, ибо как мужчинам, так и женщинам безумно хотелось оказаться на виду у короля и привлечь его

внимание либо внешностью, либо искусством исполнения. Именно участие в балете пятнадцатилетней Шарлотты-Маргариты де Монморанси в последний раз воспламенило сердце любвеобильного короля Генриха IV, которому стукнуло уже 53 года. Король, потрясенный прелестью девушки и изяществом ее движений, совершенно потерял голову, разорвал ее помолвку с маркизом де Бассомпьером и срочно просватал за принца де Бурбон-Конде, надеясь, что супруг (по слухам, предпочитавший мужчин) снисходительно отнесется к присутствию в этом браке третьего лица. Ничуть не бывало! Ревнивый благоверный принялся перевозить молодую жену из замка в замок; сходявший с ума от любви король переодевался простолюдином только для того, чтобы издали увидеть предмет своей страсти. В конце концов, принц увез супругу⁷ в Брюссель, и разгневанный король собрался снарядить военный поход во Фландрию, находившуюся тогда под властью Испании. Ко всеобщему прискорбию, удар кинжала фанатика Равальяка положил конец этому роману с балетным началом.

Невзирая на свой меланхолический характер и нелюбовь к шумным развлечениям, Людовик XIII питал склонность к балетам и даже лично сочинял либретто для них. Помните знаменитый «Марлезонский балет» в романе Александра Дюма? По-видимому, эта страсть полностью передалась его

---

⁷ Впоследствии, когда принц де Конде был заключен в тюрьму, Шарлотта-Маргарита добровольно последовала за ним и в тюрьме родила двоих детей.

сыну, ибо Людовик XIV танцевал в придворных балетах до 1669 года. Он принял участие в 26 балетах, причем в некоторых исполнял по нескольку ролей. Безусловно, мечтой гурманов, увлекающихся историей театра, было бы посмотреть спектакль по пьесе Мольера именно в виде изначальной постановки комедии-балета, совершенно нового жанра, сочетавшего в себе театр, танец и музыку, который создали композитор Жан-Батист Люлли и великий комедиограф. Именно такие представления имели огромный успех при дворе Людовика XIV.

Король, подобно своему отцу, давно полюбил балеты и охотно принимал участие в их исполнении. Либретто писались на исторические, мифологические и аллегорические сюжеты, о чем можно судить по их названиям: «Маскарад Кассандры», «Ночь», «Пословицы», «Время», «Фетида и Пелей», «Ряженные амуры» и тому подобное. В них Людовик чаще всего выступал в ролях богов, а его брат Филипп, герцог Анжуйский, чье по-женски очаровательное лицо как будто было создано для этой цели, – богинь. Предполагают, что это еще больше способствовало развитию в нем известных наклонностей, оказавших столь сильное влияние на его судьбу. В одном из балетов король появлялся в виде Восходящего солнца и декларировал стихи следующего содержания:

Уже я правлю сам своими скакунами,

За ними льется свет блестящими волнами.
Вручила вожжи мне небесная десница,
Богине властию обязан я своей.
Мы славою равны: она – цариц денница,
Светило я царей.

В балете «Фетида и Пелей» Людовик исполнил аж пять ролей: Аполлона, Ареса, Фурии, Дриады и придворного вельможи. Балет имел такой успех, что король приказал представлять его всю зиму и даже по три раза в неделю. Естественно, в спектаклях участвовали самые красивые и грациозные дамы и девицы, вращавшиеся при дворе, так что оставалось только гадать, какая из них зажжет огонек страсти в сердце короля.

Здесь уместно напомнить, что для каждой эпохи существует свой идеал женской красоты, и семнадцатый век не был исключением. Так вот, для того века идеалом была блондинка с голубыми или серыми глазами, белоснежной кожей, маленьким ротиком, белоснежными зубками (если таковые у нее сохранились, ибо по причине плачевного состояния гигиены редкий человек в ту пору мог похвастаться хорошими зубами, именно поэтому на портретах того времени практически никогда не увидишь изображенной улыбки) и довольно пышными пропорционально развитыми формами. Шансы брюнетки на успех расценивались как минимальные, а быть рыжеволосой считалось постыдным. Именно блондинками были те дамы, к которым будто бы проявлял внимание

юный Людовик (их было то ли три, то ли четыре, и приводить здесь их известные фамилии просто не имеет смысла), но все-таки его первыми сильными увлечениями стали не они.

«Мазаринетки»

В то время фактическим правителем Франции являлся первый министр в лице кардинала Мазарини. Он был несметно богат (в пересчете на современные деньги его годовой доход составлял 180 миллионов евро), и, хотя не являлся священнослужителем⁸, женат не был (предполагаемый тайный брак с Анной Австрийской никоим образом не влиял на его официальный статус закоренелого холостяка) и детей не имел. Однако же судьба подарила ему трех племянников и семерых племянниц, отпрысков его сестер Маргариты Мартиноцци и Джероламы Манчини. Кардинал чрезвычайно пекся об их благосостоянии и пожелал обеспечить им не просто достойное, но истинно блестящее будущее. В 1653 году весь этот выводок был выписан из Рима в Париж и расквартирован в Пале-Рояле, во дворце, где проживала королевская семья и сам Мазарини. Анна Австрийская, мать двоих сыновей, с нежностью отнеслась к гурьбе веселых девчушек, так оживившей ее покои. Придворные остряки немедленно окрестили их «мазаринетками». Уже неделю спустя, представляя девочек княгине Анне Колонна, Мазарини похвастался:

---

⁸ Джулио Мазарини был чисто гражданским лицом, офицером папской гвардии и дипломатом, в 1641 году в кардинальский сан его возвел благоволивший этому талантливому человеку кардинал Ришелье.

– Вы видите, сударыня, этих маленьких барышень? Старшей нет еще двенадцати лет, двум другим – восьми, этой – девяти, но первые лица королевства уже изъявили предварительное согласие вступить с ними в брак!

Племянницы быстро освоились при дворе и чувствовали себя там как рыба в воде. По мнению знатоков женской красоты, с этой точки зрения барышни были безнадежны: длинноногаявые, костлявые, с тощими, смахивавшими на плети, руками, желтоватой кожей, большими ртами с тонкими губами, одним словом, если бы не красивые зубки (как уже упоминалось выше, немаловажное достоинство по тем временам!), они, несомненно, попадали бы под разряд натуральных уродин. Черные глаза, в которых еще не зажегся огонек кокетства, придавали лицу в обрамлении густых смоляных локонов сходство с бессмысленным взглядом куклы и заработали им еще одно прозвище «черносливки». Полученное у лучших наставников светское воспитание (танцы, музыка, пение, рисование) не особенно выделяло их среди прочих юных девиц. Однако в 1654 году придворные сплетники стали замечать, как внезапно начала хорошеть и приобретать светский лоск Олимпия Манчини (1638–1708), вторая по старшинству из дочерей уже покойного к тому времени барона Микеле-Лоренцо Манчини. Король начал все больше и больше интересоваться ею, слишком часто приглашал танцевать, и вскоре девушка стала королевой всех придворных праздников. Время от времени Людовик уединялся

с ней, и через некоторое время она появлялась на людях с растрепанными волосами, развязавшимися бантами на платье и загадочной улыбкой на устах. Это обеспокоило королеву-мать, которая не видела иного пути для Людовика, кроме как женитьбы на принцессе и поддержания высококонрастного поведения в семейной жизни, безупречного примера для придворных. Она призвала близких к ней религиозных деятелей молиться за то, чтобы отвратить короля от каких бы то ни было грешных помыслов.

Дело в том, что Людовику приспела пора вступить в брак, и у красивого молодого короля самой крупной страны Европы недостатка в кандидатках не было. О таком зяте мечтали низложенная королева Англии Генриетта, приходившаяся ему теткой, королева Португалии, герцогиня Савойская, также тетка жениха. Сама Анна Австрийская лелеяла заветный план о браке сына с испанской инфантой Марией-Терезией, дочерью ее родного брата, короля Филиппа IV и тетки Людовика, Елизаветы Французской. Хотя злые языки твердили, что Мазарини поставил целью посадить на трон Франции свою племянницу, первый министр и в мыслях ничего подобного не держал. Уже почти двадцать лет длилась война с Испанией: дело шло не только об укреплении южных границ Франции, но и о возврате провинций Фландрии и Брабанта, принадлежавших в ту пору испанской короне. Кардинал прилагал весь свой дипломатический талант на то, чтобы заключить мирный договор с Испанией, чрезвычайно могу-

щественной страной, и упрочить этот союз путем брака Людовика с испанской инфантой. Увлечение короля Олимпией пришлось некстати, и дядя срочно начал подыскивать девушке мужа. Таковой немедленно нашелся в среде представителей Савойского дома, принцев Савой-Кариньяно; в феврале 1657 года состоялось венчание, и Олимпия в замужестве получила титул графини де Суассон. Была ли она любовницей короля, так и осталось покрыто мраком неизвестности, однако ее дерзкое поведение, о котором будет сказано в этом повествовании далее, дает повод предполагать, что у нее были весьма веские основания претендовать на особое отношение со стороны монарха. Людовик XIV совершенно спокойно отреагировал на ее свадьбу; муж же Олимпии был разочарован тем, что благоволение короля к его жене оказалось менее значительным, чем он ожидал.

В этом супружестве Олимпия родила восьмерых детей⁹, из которых в историю вошел выдающийся полководец принц Евгений Савойский. Хотя семья предназначала его для карьеры на религиозном поприще, он с младых ногтей мечтал об успехах на поле брани и настоял на своем выборе. Любопытно, что Людовик в свое время не счел молодого офице-

---

⁹ Поскольку первый ребенок Олимпии, сын Тома, родился через шесть месяцев после заключения этого брака, некоторые современники были склонны считать его отпрыском короля. Лауру-Витторию Манчини (1636–1657) выдали замуж за герцога Вандомского, внука короля Генриха IV по линии его связи с красавицей Габриэль д'Эстре, и, таким образом, она возвысилась до положения принцессы крови.

ра перспективным и весьма опрочетливо отказался от его услуг, когда тот обратился к нему с прошением назначить его командиром полка. Будучи отринут своим отечеством, тот переметнулся на службу к австрийскому императору и причинил немало вреда своей неблагодарной родине во время Войны за испанское наследство. В этой длительной кампании ему противостояли французские войска под командованием его двоюродного брата, герцога Луи-Жозефа Вандомского, сына старшей сестры Олимпии, Лауры-Виттории. Именно действия, предпринятые герцогом Вандомским, помогли закрепиться на испанском престоле королю Филиппу V Бурбону, внуку Людовика XIV. Вот так потомки Мазарини вносили свой вклад как в укрепление, так и в ослабление мощи Франции, за которую так радел кардинал.

Самая нелюбимая и непокорная

Из всех сестер Манчини Мария (1639–1715) считалась самой некрасивой и строптивой. Некоторое объяснение тому можно найти в обстоятельствах ее появления на свет. Когда жена родила очередную дочь, барон Микеле-Лоренцо, серьезно увлекавшийся астрологией, составил гороскоп новорожденной, который был весьма далек от того, чтобы обрадовать родителей младенца. По нему выходило, что это невинное дитя явится источником многих бед как для себя, так и для окружающих ее людей, ибо над ней тяготеет дурное предзнаменование, а потому лучше всего отдать девочку в монастырь. Свято во всем верившая мужу Джеронима с тех пор всегда относилась к этой дочери соответствующим образом, и, как писала впоследствии в своих мемуарах сама Мария, та «с самого детства чувствовала себя нелюбимой». Это развило в ней чувство противоречия, гордости и стремления к полной свободе. В возрасте семи лет малышку отдали на воспитание в итальянский монастырь под опеку одной из ее теток и даже хотели оставить там, когда в 1653 году мать с детьми собрались уезжать в Париж, поскольку после смерти барона Манчини семья оказалась в стесненном положении. Однако девятилетняя девочка настолько бурно воспротивилась этому, что мать была вынуждена пойти на попятную и забрала ее вместе с остальными детьми во Францию.

В Париже вдова Манчини быстро поняла, что некрасивая, неуклюжая, не способная произнести ни слова по-французски без ужасающего акцента, с диковатыми повадками Мария только позорит ее, и опять отдала девочку на воспитание в монастырь. Та каждодневно ощущала, что мать явно предпочитает ей младших сестер Гортензию (1646–1699) и Марианну (1649–1714), которые обещали в будущем расцвести многими соблазнительными прелестями. Но Мария уже поняла, что может взять реванш, если превзойдет красавиц-сестер, положив на это все свои силы. Она со страстью принялась за учебу, блестяще освоила французский язык, выучила латынь и греческий, так что запоем поглощала не только французские книги, но и античных авторов в подлиннике. Чтение стало единственным ее утешением и прибежищем. Когда Мария все-таки была вынуждена появляться при дворе, она изумляла придворных способностью читать на память не только длинные стихотворения, но и огромные отрывки из трагедий французских драматургов. Однако она не делала ни малейших попыток подчиниться условиям светского этикета, что немедленно бросилось в глаза современникам. Вот суждение наиболее объективного из них, Маддам Лафайетт¹⁰: «Характера она была дерзкого, решительно-го, вспыльчивого, вольнодумного, ума несметного, но неот-

---

¹⁰ Лафайетт, графиня де, Мари-Мадлен (1634–1693), придворная дама и писательница, автор первого в европейской литературе психологического романа «Принцесса Клевская».

сана и далека от какого-то бы ни было соблюдения приличий и учтивости».

В 1656 году Джеронима Манчини заболела. Ее недомогание окружающие сперва сочли несущественным, но вскоре женщина слегла, и состояние ее продолжало ухудшаться. Слабая духом Джеронима свято верила в пророчества своего покойного мужа, а тот предсказал ей, что, согласно гороскопу, жена скончается на сорок втором году. В ту пору вдове минул сорок первый год, и она решила, что наступил предел ее жизненному пути на этом свете. Страх перед пророчеством мужа лишил бедную женщину всякого желания бороться с болезнью и лишь приблизил ее конец.

Молодой король каждый вечер навещал страдалицу; Мадам Манчини требовала, чтобы во время этих визитов Мария покидала ее спальню. Из учтивости король завязывал разговор с томившейся под дверью девушкой с книгой в руке и, к своему удивлению, обнаружил, что этот разговор может быть весьма интересным.

– Насколько вы сведущи, Мария!

Людовик не увлекался литературой, он читал в основном исторические труды, рекомендованные ему наставниками. Современники считают, что именно общение с Марией Манчини пробудило в Людовике желание ближе познакомиться с художественной литературой, которое впоследствии развила Мадам де Монтеспан. Эти беседы становились все длиннее и длиннее, а на вопрос приближенных, что привлекает его в

этой некрасивой и диковатой барышне, король отвечал:

– Что до меня, я нахожу ее очаровательной.

Девушку же никак не смущало величие короля, в разговорах с ним она забывала об этикете, как будто общалась с простым смертным. Обычно историки приводят в пример следующий случай: как-то Мария во время прогулки увидела вдали некоего придворного, схожего с королем, подбежала к нему и воскликнула:

– Ах, это вы, мой бедный государь! – но обернувшийся малознакомый мужчина вверг Марию в сильное смятение.

На смертном одре мать пыталась вырвать у дочери обещание посвятить себя Богу и принять монашеский постриг, но Мария наотрез отказалась. Для облегчения мук умирающей ее брат, кардинал Мазарини, пообещал, что отдаст племянницу в монастырь. По-видимому, это обещание было не совсем искренним, ибо после кончины Джеронимы брат и не подумал сдержать свое слово. Ощущая ухудшение здоровья, Мазарини постепенно осознавал, что власть понемногу ускользает из его рук. Король, ранее беспрекословно повиновавшийся кардиналу, начал проявлять своеволие и признаки желания не допускать никого другого к управлению государством. Чувствуя, что звезда Олимпии закатывается, Мазарини старался удержать Людовика в кругу своего семейства и, поборов свою легендарную скупость, стал отпускать больше средств на развлечения двора и содержание племянниц. Он решил воспользоваться дружескими отношениями, воз-

никшими между королем и Марией, а также возлагал большие надежды на Гортензию, которая обещала стать замечательной красавицей. Всесильному министру действительно ни на минуту нельзя было терять бдительности, поскольку соблазнов при дворе было предостаточно. Предупредительным сигналом тому послужило сильное увлечение короля девицей Анн-Мадлен де Ламотт д'Аржанкур.

Внешность этой молоденькой фрейлины Анны Австрийской была скорее оригинальной, нежели ослепительно красивой: контраст белокурых локонов и голубых очей с темными ресницами и слегка смугловатой кожей выгодно выделял ее среди прочих дам, а прекрасная фигура, милая манера вести беседу и непревзойденная грация в танцах не могли никого оставить равнодушным к этому прелестному созданию. Король увлекся ею настолько сильно, что имел неосторожность признаться девушке в любви. На ее опасения относительно возможного гнева Анны Австрийской Людовик заявил, что он как король не потерпит никаких притеснений со стороны матери. Все-таки фрейлина отказалась удовлетворить желание юноши, чем еще более разожгла его страсть. Девушка принадлежала к многочисленному старинному дворянскому роду, представители которого тут же поспешили оценить все те возможные преимущества, которые могло бы дать им новое высокое положение Анн-Мадлен. Мать фрейлины даже явилась к Анне Австрийской, дабы без обиняков заверить ее, что дочь вполне удовлетворится положени-

ем официальной любовницы короля. Это возмутило набожную натуру вдовствующей королевы, которая не хотела, чтобы предстоящий брак сына был омрачен подобным прегрешением, возведенным при французском дворе в неписанный закон. Естественно, она обратилась за помощью к Мазарини, которого беспокоило, как бы родня девицы де Ламотт д'Аржанкур не превратилась в партию, противодействующую его безраздельной власти. Поскольку шпионы Мазарини были в курсе всех придворных интриг, они донесли ему, что фрейлина является любовницей маркиза Жан-Батиста де Ришелье (граф де Бриенн наткнулся на парочку в темном закоулке Лувра в весьма пикантной ситуации), о чем и было сообщено Людовику. Заодно ему еще было показано перехваченное письмо от Анн-Мадлен к маркизу де Ришелье, не оставлявшее никаких сомнений в характере их отношений. Маркиз был женат на дочери вышеупомянутой Кривой Като, которая весьма своевременно подала жалобу на вмешательство фрейлины в семейную жизнь ее зятя. Все это дало повод для того, чтобы приказать провинившейся девице удалиться от двора в монастырь в Шайо. Хотя Анн-Мадлен не приняла монашеский обет, но была вынуждена провести в монастыре всю свою жизнь до самой смерти в возрасте восьмидесяти лет. Так что стремление завоевать положение королевской фаворитки таило в себе огромные риски.

Король постепенно все больше и больше увлекался Марией, которая зимой 1657–1658 года стала часто появлять-

ся при дворе, принимала участие во всех развлечениях, часто танцевала в балетах рядом с Людовиком. Это вызывало немалую зависть со стороны теперь вечно беременной графини Олимпии де Суассон. Когда на Пасху 1658 года король отправился на войну сначала в Амьен, а затем в Кале, Мария последовала за ним вместе со двором.

Война с участием короля в те времена выглядела на удивление странно, это была какая-то помесь светского мероприятия с военным походом. По разбитым дорогам растягивался огромный обоз, в котором перемежались кареты придворных, лошадиные упряжки, тянувшие за собой пушки, повозки, груженные королевской посудой, мебелью, постельным бельем и палатками, пребывавшие под бдительным оком дворцовой челяди. В каретах тряслись светские красавицы, которые старались избегать употребления каких бы то ни было напитков, ибо остановить экипаж с целью справить малую нужду было невозможно – король не терпел никаких промедлений. Наиболее отважные амазонки следовали за королем в составе его свиты верхом на лошади. В их числе была и Мария, прекрасная наездница и любительница быстрой верховой езды.

После победы в так называемой Битве в дюнах и взятия Дюнкерка и Мардика придворные вернулись в Компьен, а король и кардинал остались для наведения порядка. Воцарилась ужасная жара, возникли трудности с питьевой водой, в полях валялись трупы, разлагавшиеся еще с прошлого года и

испускавшие смертоносные миазмы. 22 июня Людовик заболел тифоидной лихорадкой, что при уровне медицины того времени было равнозначно смертельному приговору. Между Кале и Парижем носились гонцы, двор пребывал в страшном нервном напряжении. Придворные ломали головы над тем, как вести себя, опасно было в равной степени как не изображать достаточную печальность, так и не переборщить по этой части. Кто знает, как оценит следующий правитель, брат короля, невзначай вырвавшееся слово, вздох, чрезмерно искренний жест?

Одна лишь Мария, ни о чем не заботясь, не скрывая своего отчаяния, при всех раздражалась горестными рыданиями, услышав очередное сообщение об ухудшении здоровья короля и сокрушаясь, что не может быть сиделкой при больном. Она оплакивала не только красивого молодого человека, но и юного короля, который в своей мудрости заметил ее ум, открыл для всех прочих ее незаурядную личность, заставил оценить девушку и оказывать ей должное уважение. Надо сказать, что такое искреннее излияние чувств Марии вызвало у окружающих сострадание и содействовало смягчению пренебрежительного отношения к ней. При этом современники не преминули ответить, что графиня Олимпия де Суассон не выказала того сожаления, которое надлежало бы проявить с учетом дружеского расположения Людовика к ней.

Господь сжалился над Францией; в Кале королевский ме-

дик решил призвать на помощь местного лекаря по имени Дюссосуа, который, робея от страха, прописал монарху ви-но, сдобренное рвотным средством, порошком сурьмы. Это был самый настоящий яд, употребление которого запрещалось, но он, в конце концов, смог переломить ход болезни. После ночи пребывания между жизнью и смертью король по-шел на поправку и вскоре выздоровел. Правда, лихорадка оставила весьма заметный след, о котором, надо сказать, было известно немногим: молодой человек практически облысел, от пышной копны волос у него на голове осталось всего несколько прядей. С тех пор Людовик неизменно появлялся на людях в парике, каковая мода долго продержалась у фран-цузов и, естественно, была немедленно перенята всей Евро-пой. Король носил парики «с окнами», отверстиями, в кото-рые протягивались сохранившиеся пряди волос. Даже если бы монарх облысел окончательно, это ничего не изменило бы, поскольку ввиду тяжести париков (на наиболее роскош-ные, высотой до 12 см, уходили волосы от восьми женщин) мужчины просто-напросто обривали голову наголо, смазы-вая ее специальной мазью на основе топленого свиного сала.

Неуместное увлечение

Король возвратился в Париж, и какие-то добрые души поведали ему о страданиях Марии Манчини, хотя и сочли их проявление чрезмерным. То ли выздоровление любимого человека, то ли естественный ход физиологического развития так повлиял на дурнушку, но она буквально расцвела и заслуженно (к еще пущей зависти сестры Олимпии) заняла достойное место среди придворных красавиц. Она появляется в Лувре либо около короля, либо его брата, герцога Филиппа Анжуйского, с которым завязала тесную дружбу, невзирая на его неприязненное отношение к женщинам (как отметили историки, эта привязанность оказалась более долгосрочной, нежели благоволение короля). Мария участвует во всех балетах, изображая то Лето, то Золотой век, то звезду, то богиню, и этот мир с Олимпом из папье-маше и театральными машинами становится для нее реальным, она верит в него, она живет в нем настоящей жизнью. Девушка принимает участие в лотерее драгоценностей и выигрывает сказочной красоты рубины. Бескорыстие и непосредственность Марии покоряют короля. Как-то вечером у взволнованного ее блестящим выступлением короля, разодетого в парадное платье, невольно вырвались восторженные слова: – Как вы прекрасны, моя королева!

Увлечение Людовика Марией испугало Анну Австрий-

скую, жаждавшую женитьбы своего сына на высокородной принцессе. Она также опасалась, что затянувшиеся переговоры Мазарини с испанским королем играют на руку его собственным потаенным желанием посадить на трон свою племянницу. Вдовствующая королева не вполне постигала тонкую дипломатическую игру, которую вел искушенный в интригах кардинал на переговорах с испанским двором. Ему надо было продемонстрировать, что брак с инфантой Марией-Терезией не является пределом мечтаний французской короны, отнюдь, у красавца-жениха много претенденток, и неизвестно, на ком он остановит свой выбор. Но здесь мудрый государственный деятель несколько просчитался, ибо дипломатия, искусство проявления хладнокровия и терпения, воздерживается от поспешных решений, а любовь юноши и девушки стремится к моментальному преодолению всех препятствий на своем пути. Людовик и Мария страстно полюбили друг друга и не желали жертвовать своими чувствами ради государственных соображений.

Запоздало спохватившийся Мазарини призвал племянницу к себе и потребовал, чтобы она сообщала ему содержание всех своих разговоров с королем. Точно так же, как и у смертного одра матери на ее просьбу посвятить свою жизнь Богу, девушка категорически отказалась. Не сказать, чтобы упрямство Марии сильно огорчило вельможного дядю, после смерти баронессы Манчини ее дочери-сироты были вверены заботам гувернантки, Мадам де Венель, блондинки

весьма аппетитной внешности, душой и сердцем преданной кардиналу. Естественно, ей также вменили в обязанность втереться в доверие к непокорной племяннице и доносить обо всем, что происходит в жизни девушки. Однако Мария чувствовала ту фальшь, которая пронизывала поведение гувернантки, и не спешила откровенничать с ней.

Невзирая на все эти внезапно возникшие препоны, на дипломатической стезе Мазарини неуклонно продвигался к своей цели и, чтобы подтолкнуть испанскую сторону поторопиться с принятием решения, пошел на небольшую хитрость. Во всеуслышание было объявлено, что французский двор всерьез склоняется к кандидатуре принцессы Маргариты Савойской, кузины короля, а потому была достигнута договоренность о смотре невесты. Вдовствующая герцогиня Савойская Кристина должна была прибыть с дочерью в Лион, куда направился и весь французский двор. Бок о бок с королем во главе свиты ехала Мария Манчини, беззаботная и веселая, ибо король пообещал ей, что не женится на Маргарите Савойской.

Уловка кардинала принесла свои плоды: испанский король попался на его хитроумную приманку и срочно отрядил своего посланца в Лион с извещением, что дает согласие на брак инфанты с Людовиком. Герцогине Савойской дали понять, что невеста не подходит королю, и оскорбленное семейство убыло в свои пенаты. Двор продолжал веселиться, задержавшись в Лионе до января. Мария находилась в цен-

тре всех празднеств и, казалось, получила подтверждение тому, что Людовик полностью соответствует идеалу государя, описанному в трудах Тацита и Сенеки, рыцарских романах и трагедиях. Разве он не согласился со словами шведской королевы Кристины¹¹: «Самое лучшее, что может сделать король, – это жениться на особе, которую любит». Мария была уверена, что ее возлюбленный, подобно этим идеальным героям, способен и на длительное ожидание, и на преодоление всех преград. Племянниц Мазарини разместили на первом этаже особняка на площади Белькур, где ночами под их окнами бродил король. Бедная Мадам де Венель не смыкала глаз, проверяя, не покинула ли кровать самая непокорная из ее подопечных. Как-то ночью в кромешной тьме она ошущью пыталась удостовериться, что Мария спит в постели, и случайно попала пальцем в открытый рот девушки. Та инстинктивно во сне до крови укусила перст гувернантки и с перепугу подняла страшный шум, каковое событие надолго стало предметом шуток всего двора.

После возвращения в Париж молодые люди стали практически неразлучны, и это начало раздражать Анну Австрий-

---

¹¹ Кристина Шведская (1626–1689) – королева Швеции (1632–1654), высокообразованная покровительница науки, искусства и литературы, привлекавшая ко двору многих ученых, в том числе Декарта. В 1654 году королева отреклась от трона в пользу своего двоюродного брата, затем обратилась в католичество, что было расценено римским папой как выдающаяся победа католической церкви. Много путешествовала по Европе, вызывая неизменный интерес своей оригинальной манерой поведения, окончательно поселилась в Риме.

скую. К тому же Мария пыталась не только настроить Людовика против его матери, но и отговорить от женитьбы. В марте, когда в Париж приехал Дон Жуан Австрийский, побочный сын испанского короля, в его свите присутствовала юродивая Капитор (подобно некоторым русским царям, испанские монархи обожали окружать себя дурачками, шутами и карликами). Она буквально не закрывала рот, пускаясь в восхваление достоинств своей инфанты, ее ума, красоты и добродетелей. Выведенная из себя Мария потребовала удаления Капитор. Король приказал убрать Капитор с глаз долой, и его желание было поспешно удовлетворено. Однако слухи об этом столкновении дошли даже до папы римского, известного сторонника испанцев, который вызвал французского поверенного в делах и прямо поставил перед ним вопрос, сохранил ли король целомудрие и почему его величество проявляет такое внимание к племяннице своего министра. Невзирая на пасхальный пост, Людовик попытался загладить эту обиду чередой развлечений, причем Мария неизменно оставалась в их центре. Но 4 июня испанская сторона изъявляет согласие подписать предварительное соглашение о мире. Приличия требовали удаления Марии, и кардинал, уезжавший на переговоры, заявил, что заберет ее с собой и по дороге отвезет в Ла-Рошель, где племянница и проведет время в ссылке, вдали от двора.

Возмущенный этим решением Людовик заявил о своем желании жениться на Марии. Естественно, и Анна Австрий-

ская, и кардинал пустили в ход все свое красноречие, дабы отговорить его от столь опрометчивого шага, выставляя основным аргументом долг монарха перед отечеством и подданными. Хотя король вышел от матери, по свидетельству современников, «с увлажненными глазами», судьбоносное решение было им уже принято.

Прощание влюбленных было душераздирающим, король разрыдался, а Мария произнесла знаменитые слова: «Государь, вы – король, вы плачете, а я уезжаю!», – которые драматург Расин вставил в свою трагедию «Береника»¹². Дабы смягчить горечь разлуки, изгнаннице позволили взять с собой двух младших сестер, Гортензию и Марианну (за девицами надзирала все та же неусыпно бдительная Мадам де Венель); король же преподнес ей на прощание чудесное жемчужное ожерелье¹³, с которым она не расставалась до самой смерти. Влюбленным разрешили переписываться, естественно, эта переписка строго контролировалась кардиналом.

---

¹² Расин взял сюжет из книги Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей». Римский император Тит, влюбленный в царицу Иудеи Беренику, хотел жениться на ней, но понимал, что народ Рима не одобрит этот брак. Береника поняла те мучения, которые претерпевал любимый человек, разрываясь между любовью и долгом, и добровольно отказалась от Тита, вернувшись на родину.

¹³ Известно, что Мазарини был невероятно скуп и всячески ограничивал расходы короля – разумеется, в свою пользу. Король приказал ему оплатить драгоценности, купленные у вдовствующей королевы Генриетты Английской, страдавшей от отсутствия денег, но кардинал впоследствии взыскал затраты из государственной казны, по поводу чего сохранилось его письмо о возмещении ему 78 тысяч ливров, направленное распорядителю финансов Кольберу.

В Ла-Рошели знатную изгнанницу встретили как почетную гостью, стремясь угодить ей разного рода развлечениями, но увеселения были ей настолько в тягость, что она предпочла поселиться в романтической крепости Бруаж, утонувшей в туманах. В Париже короля также развлекали, причем разрешившаяся от бремени Олимпия де Суассон, не скрывая своего торжества, заняла подле него место Марии. Казалось, прежнее увлечение короля вспыхнуло с новой силой, о чем Олимпия, руководствуясь самыми мстительными мотивами, со злорадством известила в письме сестру. Хотя король проездом на подписание мирного договора в августе встретился с Марией и заверил ее в своей верности, но что значили эти пустые слова, если он ехал на встречу с будущей женой? Девушка направила своему дяде просьбу сообщить королю, чтобы он больше не слал ей письма, и сама обязалась более не писать Людовику ни строчки.

7 ноября 1659 года был подписан выгодный для Франции Пиренейский мир с Испанией, и Марии разрешили вернуться в Париж, причем Мадам де Венель получила щедрое вознаграждение от кардинала за бдительный надзор. Мазарини предложил племяннице блестящую партию, богатейшего итальянского князя Колонна, коннетабля королевства Неаполитанского, испанского гранда (1637–1689), чей род восходил чуть ли не к римским патрициям. Из этой славной династии вышли кардиналы, послы, наемные полководцы – кондотьеры. Некогда отец Мазарини служил у отца князя

управляющим, но теперь его сын считал за честь взять в жены племянницу всемогущего французского министра. Мария отказалась: она хотела остаться при дворе, наивно надеясь на возврат привязанности короля. За девушкой начал ухаживать принц Клод Лотарингский, и та благосклонно отнеслась к этому поклоннику, ибо перспектива брака с ним укрепляла ее надежду не покидать Францию. Король, возвращаясь в Париж, сделал по дороге крик и в сопровождении брата Марии заехал в Бруаж, чтобы посетить дом, где страдала в изгнании его возлюбленная. Говорили, что, увидев ее простую, скудно обставленную комнату, он заплакал.

По прибытии в Париж Людовику немедленно донесли, что Мария принимает ухаживания принца Клода Лотарингского, король считал это изменой и при встрече с девушкой отнесся к ней с ледяным равнодушием. Кардинал понял, что дальнейшее пребывание Марии при дворе лишь осложнит ситуацию, и разрушил надежды принца на брак с племянницей (в качестве условия заключения брака принц Клод потребовал возврата независимости герцогству Лотарингскому, оккупированному Францией).

9 июня 1660 года на испанско-французской границе был заключен брак между королем Людовиком XIV и испанской инфантой Марией-Терезией, а 26 августа новобрачные торжественно въехали в Париж. Мазаринетки наблюдали за церемонией с балкона особняка, принадлежавшего вышеупомянутой Кривой Като, баронессе де Бовэ. Пикантная по-

дробность: Мария стояла бок о бок с прекрасной госпожой Франсуазой Скаррон, супругой известного поэта-сатирика, калеки Скаррона. Впоследствии госпожа Скаррон, воспитательница побочных детей короля, станет его морганатической супругой, известной под именем маркизы де Ментенон. Тогда никто не мог подозревать, что это была первая встреча двух королей, настоящей и будущей.

Мария поняла, что ей нет места при новом дворе и лучше всего как можно скорее покинуть Францию. 1 марта 1661 года скончался Мазарини, но еще раньше девушка дала согласие на брак с князем Колонна и через месяц была обвенчана по доверенности с его представителем в королевской часовне – великая милость правителя. Благоволение Людовика XIV простерлось еще дальше: монарх также пожаловал ей титул принцессы и даровал «право табурета», т. е., сидеть в присутствии королевы. Прощание было строго официальным, бывшие влюбленные никогда не увидятся вновь.

Превратности судьбы княгини Колонна

Мария в сопровождении все того же Цербера в лице Мадам де Венель и 50 гвардейцев покойного кардинала отправилась в Милан, где ее ожидал князь Лоренцо Колонна. Незадолго до прибытия на место назначения новоиспеченная принцесса вместе со своим кортежем остановилась на ночлег в какой-то деревенской гостинице. Вечером путешественники высыпали на балкон, видимо, чтобы лучше рассмотреть окрестности. Из-за тесноты Мария отступила на шаг назад в дверной пролет, чем и спасла себе жизнь. Под тяжестью постояльцев балкон рухнул, погибли восемь человек. Молодая женщина невольно задумалась о том, не предвещает ли это роковое событие новые беды, уготованные ей судьбой.

В Милане ее ожидал пышный прием, подготовленный наоборотным, которого она еще в глаза не видела. На одном из миланских каналов стоял роскошно украшенный буцентавр, копия судна, использовавшегося венецианскими дожами в особо торжественных случаях. Разнаряженная в придворный туалет, находящаяся в состоянии прострации Мария равнодушно ожидала в тесной каюте своего мужа, молодого, довольно привлекательного человека. Невзирая на

истощные крики Мадам де Венель¹⁴: «Только после мессы, только после мессы!», князь тотчас же воспользовался своим супружеским правом и был чрезвычайно удивлен, что новобрачная оказалась девственницей. Он немедленно влюбился в Марию, но молодоженов ожидало жестокое испытание: на другой же день княгиня Колонна свалилась с так называемой «мозговой лихорадкой» и два месяца пребывала в полубессознательном состоянии между жизнью и смертью. Муж призвал на ее спасение лучших докторов, и, в конце концов, молодая женщина выздоровела.

Супруги поселились в Риме во дворце князей Колонна, наполненном великолепными произведениями искусства. Первый же сюрприз, который преподнес Марии муж, стал свидетельством огромной любви и гордости новобрачного: одна из красивейших площадей Рима, площадь Навона, была превращена в озеро, по которому в ночной тьме скользили расцвеченные огнями лодки, наполненные музыкантами и певцами. Муж исполнял все желания молодой жены, которая жила как будто в постоянной лихорадке, спеша от одного развлечения к другому: охота, балы, маскарады, карнавалы, не только в Риме, но и в Милане и Венеции. В римском обществе только и говорили, что о роскоши, которой окружил ее муж, о невиданном ложе в форме ракови-

---

¹⁴ После возвращения во Францию Мадам де Венель обеспечили место в штате молодой королевы Марии-Терезии, именно она обычно утешала ее, когда та уж слишком огорчалась из-за постоянных измен Людовика.

ны из перламутра, украшенном золотом и серебром. Мария воспылала к своему мужу той же страстью, с какой любила короля, и первые семь лет их брака прошли в любви и согласии.

Княгиня Колонна создала в своем дворце островок французской культуры, где всегда желанными гостями были посол Франции и французские путешественники. Она вновь жадно принялась за чтение, была блестящей собеседницей, и непривычная атмосфера непринужденности (напомним, что Рим был папской вотчиной, где налагались весьма суровые ограничения на нравы общества), царившая в этом салоне, привлекала туда на вечера, проникнутые духом французского двора, множество посетителей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.